

Г.Д. Гловели

д.э.н., Институт экономики РАН (Москва)

ЛЕНИНИЗМ, «ТЕРМИНЫ ТОВ. А. БОГДАНОВА» И ФИЛОСОФ ИЛЬЕНКОВ КАК АПОЛОГЕТ СТАЛИНСКОЙ ЭКОНОМИКИ «РАЗРУШЕНИЯ РАВНОВЕСИЯ» (ЧАСТЬ I. Окончание – в ВТЭ 3–2020)

Аннотация. Статья выясняет причины негативного отношения в советском экономическом дискурсе к категории «равновесие» после 1929 г. и роль в этом публикации замечаний В. Ульянова-Ленина на полях книги Н. Бухарина «Экономика переходного периода». Впервые в историко-экономической литературе раскрыто содержание понятий «планомерная организация», «регулирование» и «нормировка», заимствованных Бухариным у А. Богданова, и показана надуманность обвинений Лениным терминологии Богданова в «идеализме» и эклектицизме». Рассмотрена философская, политическая и экономическая подоплека тенденциозности Ленина, и дана характеристика возглавляемого Богдановым своеобразного направления «среднерусского марксизма». Показаны эклектизм концепции социализма самого Ленина и влияние прожектера Ю. Ларина на практику «военного коммунизма». Систематизирована критика «военного коммунизма» и тейлоризма А. Богдановым. Выявлено использование И. Сталиным тенденциозных замечаний Ленина на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» для оправдания экономики «разрушения равновесия», волюнтаристского планирования и скачка диспропорциональной индустриализации.

Ключевые слова: дискуссия об исторических рамках политэкономики, дебаты об индустриализации, Первый пятилетний план, экономика «разрушения равновесия», клеветный ленинизм, среднерусский марксизм, тектология – всеобщая организационная наука А. Богданова, «военный коммунизм», тейлоризм, «правый уклон» в ВКП(б).

JEL: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10204.

Никогда не была так кроваво вспенена
В неудержимой скачке
Россия Петра и Ленина,
Вздыбленная от спячки.
М. Герасимов. Электрификация (1920)

Введение

Замечания на полях прочитанных книг иногда играли значимую роль в истории мысли. Реплика провинциального французского юриста в 1637 г. на полях классической книги грека Диофанта «Арифметика» породила «величайшую математическую проблему», решенную только в самом конце XX в., – Великую теорему Ферма [Singh, 1997]. В истории же мысли самого XX в., пожалуй, наиболее значимые из всех реплик были сделаны ровно столетие назад – в мае 1920 г. – Предсовнарком РСФСР В. Ульяновым-Лениным на полях

книги кандидата в члены Политбюро ЦК РКП(б) Н. Бухарина «Экономика переходного периода».

Опубликованные в 1929 г. в XI Ленинском сборнике эти замечания дискредитировали считавшегося тогда наиболее выдающимся из здравствовавших теоретиков марксизма Бухарина, что сыграло двоякую роль. Во-первых, ленинские наскоки на терминологию Бухарина были интерпретированы как отвержение «недиалектической» категории «экономического равновесия». И, таким образом, легитимировали «великий перелом», навсегда определивший советский неравновесный, диспропорциональный экономический рост, против крайностей которого выступали группа Бухарина в ВКП(б) («правый уклон») и виднейшие непартийные экономисты 1920-х гг. Во-вторых, авторитет «вечно живого», спорить с которым в СССР было уже нельзя, легитимировал «расширительную» версию политической экономии, т.е. выход этой науки за рамки капиталистической формации. С того времени в рамках «политической экономии в широком смысле» в СССР стала развиваться «политическая экономия социализма», которая, по критериям К. Маркса, не могла быть иной политэкономией, кроме вульгарной, т.к. должна была оправдывать сталинскую «экономику разрушения равновесия» в условиях запрета на критику «марксистско-ленинских» основоположений.

Убийственным камнем, брошенным в теоретический огород «превосходно образованного марксиста-экономиста» Бухарина [Ленин, 1967–1975. Т. 36. С. 305], было то, что «Бухарчик» взял «по-детски наивно» термины «в том значении, в котором они употребляются тов. А. Богдановым», и «не подумал, что и термины и их значение у Богданова фундированы... его философией, философией идеализма и эклектицизма» [Ленин, 1929. С. 400]. Ни тогда, ни позже – вплоть до переиздания замечаний в XI Ленинском сборнике и после этого – никто не проверил вердикты Ленина на адекватность, что будет сделано ниже в контексте и экономических условий и дебатов той эпохи, и партийно-философской подоплеки.

Дебаты-I: об исторических границах политэкономии

Н. Бухарин, несмотря на молодость, сразу после большевистской революции выдвинулся как ведущий идеолог партии власти. Главный редактор ЦО «Правда», он вместе с Е. Преображенским был автором популярной «Азбуки коммунизма», разъяснявшей вторую Программу партии, принятую в разгар гражданской войны [VIII Съезд, 1919. С. 390–410]. Как программа и ее азбучное растолкование, так и трактат «Экономика переходного периода» были исполнены духа «военного коммунизма». В таком же духе были написаны и комментарии Ленина, который лишь через семь месяцев решился развернуть партию от «военного коммунизма» к новой экономической политике.

Бухарин развернулся резче других, став главным идеологом НЭП, тогда как его бывший соавтор Преображенский остался на жестких позициях, выраженных в его же рецензии на «Экономику переходного периода» («Правда», 1920. 15 августа): при пролетарской диктатуре «насилие города над деревней... является единственным серьезным орудием накопления» [Преображенский, 2006. С. 363]. Бухарин вместе с партийным генсеком И. Сталиным и Предсовнаркомом СССР А. Рыковым проводил после смерти Ленина НЭП как «генеральную линию партии» с перспективой «построения социализма в одной стране». Преображенский стал экономическим рупором противников «генеральной линии», возглавленных Л. Троцким, Г. Зиновьевым и Л. Каменевым, один за другим терявших властные посты в разгоревшейся внутрипартийной борьбе. Этой троице досталось в скандальном предсмертном ленинском «Письме к съезду», как и Бухарину со «слишком грубым» и нетерпимым Сталиным. Причем Бухарину – именно как «ценнейшему тео-

ретику» и «любимцу всей партии», чьи воззрения, однако, с «большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое; он никогда... не понимал вполне диалектики» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 345].

Благоговение неопита не мешало «Бухарчику» продолжать спорить с «Ильичем» – и при жизни, и после смерти свезенного в мавзолей Ленина. Единственный из членов Политбюро Бухарин возглавил собственную теоретическую школу и активно дискутировал не только на партийных съездах и пленумах, но и в стенах Коммунистической Академии, где состоялась зимой 1925 г. дискуссия по докладу И. Степанова-Скворцова «Что такое политическая экономия?». Она отложилась на страницах «Вестника Коммунистической Академии» параллельно бушевавшему спору Бухарина с Преображенским по поводу «первоначального социалистического накопления». И оба антагониста приняли участие и в дебатах об исторических рамках политэкономии. И оба вместе с подавляющим большинством участников дискуссии выступили против докладчика и его соавтора по фундаментальному «Курсу политической экономии» А. Богданова.

Большой «Курс» вышел первым томом еще в 1910 г., а вторым – в нескольких выпусках уже после 1917 г. Он вырос из «Краткого курса экономической науки» – продукта сотворчества в тульских рабочих кружках, прославившего А. Богданова, но созданного с участием И. Степанова-Скворцова и В. Базарова-Руднева [Гловели, 2017. С. 84]. Выход «Краткого курса экономической науки» приветствовал молодой В. Ульянов [Ленин, 1967–1975. Т.4. С. 35]. По следующим изданиям училась почти вся российская социал-демократия [Луначарский, 1967. С. 248]; в бесцензурных изданиях революционного 1906 г. в учебнике появился раздел «Социалистическое общество» [Богданов, 1990. С. 90–98]. А в годы гражданской войны знаменитый учебник Богданова и его упрощенные версии стали главными экономическими пособиями в стране, изданными, помимо Москвы, в десятке городов от Новгорода до Ташкента, причем издателями нередко были фронтовые политуправления Красной армии.

Но в том самом мае 1920 г. профессору МГУ А.А. Богданову, на лекции которого студенчество занимало места за два часа до начала [Григорьев, 2018], специальным решением Политбюро(!) было дозволено право чтения курса политэкономии только «досоветского периода». Ульянов-Ленин выразил неудовольствие тем, что советский Госиздат издает «Краткий курс экономической науки», в котором нет упоминания о «диктатуре пролетариата». А ранее возникли серьезные разногласия между соавторами «Курса политической экономии». Преданный ленинец и член Совнаркома первого состава Степанов-Скворцов отказался включать написанную Богдановым главу «Военно-экономические формации» [Богданов, Степанов, 1924. С. 5], развивавшую оценку осеннего переворота 1917 г. как «военно-коммунистической» революции, после которой не будет социализма, но «реакция имеет все шансы перейти в гражданскую войну с громадным расточением лучших сил народа» [Богданов, 1918а. С. 90, 100].

К середине же 1920-х Богданов, несомненно, крупнейший марксист-теоретик того времени, от партийного «ортодоксального» марксизма был окончательно отлучен. Основанный Ульяновым-Лениным и Троцким журнал «Под знаменем марксизма» вел систематическую травлю «еретика» [Богданов, 1995. С. 39; Богданов, 2019. С. 611]. А редактируемый Бухариным журнал «Большевик» напечатал статейку какого-то клеветника, в которой учебники Богданова объявлялись «контрреволюционными» не только за критику «военного коммунизма», но и за исторический подход к предмету политэкономии.

Сначала Богданов в письме в «Вестник Коммунистической Академии» [Богданов, 1924. С. 399], а затем Степанов-Скворцов в докладе [Степанов, 1925. С. 282] напомнили, что Ленин как раз отстаивал исторический подход к предмету политэкономии. Но главным аргументом Степанова стала отсылка к постановке Энгельсом задачи «политической экономии в широком смысле». Это было решающим аргументом и для Ленина – о чем знал

Бухарин, но не внял двум подряд репликам на полях соседних страниц своей книги. «Шаг назад против Энгельса» – напротив определения Бухарина «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве *товаров*» (с. 7). А напротив утверждения Бухарина «конец капиталистического производства будет концом и политической экономии» (с. 8) – «Неверно. Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение $I v + m$ к $II c?$ и накопление?» [Ленин, 1929. С. 349].

Бухарин и его ученики отстаивали политическую экономию «в узком смысле», т.е. ограниченную рамками товарно-капиталистического хозяйства с категориями ценности, основного и оборотного капитала, заработной платы, прибыли, ренты и пр. [Бухарин, 1925. С. 297]. Но когда увидели свет замечания Ленина на «Экономику переходного периода», нескольких слов «вечно живого» оказалось достаточно, чтобы, как выразился один из тогдашних партийных политэкономов, нанести «смертельный удар “ограничительной версии”» [цит. по: Широкопад, 1988. С. 258].

А ведь оба аргумента Ленина – ссылка на Энгельса и указание на условия пропорциональности при всяком общественном воспроизводстве, а не только капиталистическом, – были полностью идентичны тем, что приводил Степанов-Скворцов в своем докладе и в предисловии к последнему изданию «Курса политической экономии» [Степанов, 1925. С. 281], [Богданов, Степанов, 1925. С. XVII].

Но никто не собирался признавать правоты и заслуг покойных Богданова и Степанова-Скворцова в их защите «политэкономии в широком смысле». Зато все многочисленные под-ленины в политэкономии приняли как руководящую нить счеты, которые сводил на полях книги своего ученика Бухарина Ленин-цзы со своим старым философским оппонентом Богдановым. Благо последний не мог возразить ни при жизни Ленину, в свою пользу решившему «основной вопрос всякой революции – вопрос о власти», ни после смерти – под-лениным в 1929 г. и позже.

Дебаты-II: о равновесном росте, «генетике» и «телеологии»

Дискуссия об исторических рамках политэкономии не имела, однако, той злободневности, как разгоряченные дебаты о методах, темпах и источниках социалистической индустриализации и стратегиях народнохозяйственного планирования [Эрлих, 2010]. Спорили «генеральная линия» с внутрипартийной оппозицией; спорили ведущие партийные и непартийные экономисты Госплана, ВСНХ, ЦСУ, наркоматов – составители первых ориентировочных пятилетних планов-прогнозов развития ключевых секторов, «Контрольных цифр» и, наконец, вариантов первого пятилетнего плана всего народного хозяйства СССР.

Ключевой была проблема возможности равновесного экономического роста при переходе от восстановительного периода советского хозяйства (после разрухи «военного коммунизма») к реконструктивному периоду «социалистической индустриализации». Преображенский с его доктриной «первоначального социалистического накопления» отрицал возможность равновесного роста. Бухарин настаивал на такой возможности; с ним соглашалось большинство экономистов-«спецов», обсуждавших различные условия экономического равновесия – между темпами роста разных секторов народного хозяйства, между задачами накопления и уровнем потребления масс, между спросом и предложением и т.д. Но Бухарин, кроме того, широко использовал понятие «равновесия» в своем широко известном тогда «популярном очерке марксистской социологии» – учебнике «Теория исторического материализма».

Однако еще более широко – как общенаучное системное понятие – категорию «подвижное равновесие изменений» использовал А. Богданов, до конца жизни работавший над главным трудом «Тектология – всеобщая организационная наука». Системные («протоки-

бернетические») наработки друга использовал в Госплане В. Базаров для концепции долгосрочного экономического роста и методологии перспективного народнохозяйственного планирования, моделирования кривой темпов роста социалистической промышленности [Гловели, 2019. С. 19].

В дебатах о планировании Базаров стремился синтезировать два оформившихся подхода, которые он назвал «генетическим» и «телеологическим» [Базаров, 1924; Белых, 2007. С. 61]. Однако в конце 1927 г. Сталин категорично высказался в пользу «телеологического» (целестремительного) подхода, главным проводником которого стал зампред Госплана С. Струмилин, сводивший план к директивному «отрезку партийной программы», а роль науки планирования – к «служанке партийных установок» [Струмилин 1928. С. 30, 39]. И обрушившийся на «генетический» и «синтезный» подходы, что вызвало отповедь Базарова, выступившего против «поверхностной индустриальной экспансии» и бюрократического «сов-пифагорейства» [Базаров, 1928. С. 75, 82].

Противники «телеологии» нашли союзника в лице Бухарина, напомнившего о необходимости «подвижного экономического равновесия» между промышленностью и сельским хозяйством и в рамках самого промышленного сектора [Бухарин, 1928. С. 2]. Фактически повторяя аргументы Базарова и экономистов-«генетиков», Бухарчик выступил против «сверхиндустриалистов», «бешеного разгона темпа», «salto mortale капитального строительства» [Бухарин, 1928. С. 3].

Но публицистические гиперболы не помогли против властно-административного ресурса Сталина, подкрепленного авторитетом мавзолейного Ленина. «Оптимальный», или «телеологический» вариант первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР вступил в действие с IV квартала 1928 г., получив силу партийной директивы. Телеолог Струмилин предпочел «стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие», а «завершением» дебатов о планировании стали разгром «правого уклона в ВКП(б)» во главе с Бухариным и аресты Базарова и сторонников «генетического» подхода.

Как многократное эхо стали разноситься реплики Ленина из 1920 г. с раздражением по поводу словооборота Бухарина «с точки зрения равновесия»: «не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о «точке зрения равновесия»? Точнее, вернее, ибо объективно первое, а второе приоткрывает дверь философск[им] шатаниям в сторону от мат[ериали]зма к идеализму» [Ленин, 1929. С. 384–385]. Вообще-то упрек относился к словам «точка зрения», как ранее – к выражению «с общественно-организационной точки зрения». «Ну и организационная наука!» – язвил главдидакт, знавший о симпатии Бухарина к фундаментальной работе Богданова (но не саму работу) и проводимой в ней «организационной точке зрения» [Ленин, 1929. С. 359, 360]. Однако в контексте «великого перелома» и нарушения *всех* отстаиваемых экономистами 1920-х гг. условий «подвижного экономического равновесия» реплику против «автора, испорченного эклектицизмом Богданова» [Ленин, 1929. С. 361], стоило читать как порицание «точки зрения равновесия». Что стало надежной псевдометодологической опорой для акцентированного удара Сталина по «теории равновесия», вызвавшего лавину печатных изобличений Бухарина («недиалектика, богдановца») и экономистов-«вредителей», осуждаемых по сфабрикованным процессам «Промпартии», «Союзного бюро РСДРП(м)» и «Трудовой крестьянской партии» (ТКП).

«Обоснование» Сталиным экономики «разрушения равновесия»

Разногласия прежних соратников на самом партийном верху относительно очередного кризиса НЭП, ставившего под угрозу партийный курс на «социалистическую индустриализацию», обозначились как раз тогда, когда директор первого в мире Института

переливания крови А.А. Богданов умер вследствие очередного медицинского эксперимента на самом себе. Н.И. Бухарин горячо выступил на гражданской панихиде по погибшему, заявив, что пришел не «замазывать» споры, а проститься с человеком, «интеллектуальная фигура которого не может быть измерена обычными мерками» [Бухарин, 1989. С. 385].

13 апреля 1928 г. Институту переливания крови было присвоено имя его основателя А.А. Богданова. В тот же день И. Сталин в Москве, а Н. Бухарин в Ленинграде, в противоположной тональности – за и против «чрезвычайных мер» – вещали о политическом положении в стране [Козн, 1986. С. 293]. Нараставшие расхождения прорвались после публикации Бухариным его «Заметок экономиста» и попытки перетянуть на свою сторону мавзолейный авторитетный ресурс в речи «Политическое завещание Ленина» 21 января 1929 г.

Сталин ответил речью на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г. с разделом «Тов. Бухарин как теоретик», с цитированием абзаца о Бухарине из предсмертного письма Ленина и выводом: «Итак, теоретик без диалектики. Теоретик-схоластик» [Сталин, 1931. С. 415–416]. А образец «диалектики» Сталин, уже сам объявленный новым главным теоретиком марксизма, «преподал» в последнем месяце «года великого перелома», после разгрома «правого уклона в ВКП(б)», в «исторической» речи «К вопросам аграрной политики ВКП(б)».

Речь начиналась с раздела «Теория равновесия». В привычном для себя стиле, повторяя одно и то же, генсек утверждал, что «так называемая теория «равновесия» секторов нашего народного хозяйства» имеет «хождение среди части коммунистов», «пропагандируется рядом лиц из лагеря правых уклонистов». «Теория эта не имеет, конечно, ничего общего с марксизмом... ничего общего с ленинизмом» [Сталин, 1931. С. 433].

За этим вердиктом скрывались не только слом НЭП, «великий перелом» в коллективизированной деревне, «спецеество», ужатие городского потребительского спроса до карточной системы, но и практика силового «подхлестывания» темпов роста тяжелой промышленности и структурных сдвигов в народном хозяйстве, проводимая Сталиным и его окружением во главе с В. Молотовым, сменившим А. Рыкова на посту Предсовнаркома. Для Сталина, Молотова и их адептов оказался недостаточным и без того перенапряженный *оптимальный* «телеологический» вариант Первого пятилетнего плана – началось «подхлестывание» сооружения крупнейших заводских новостроек и сближение функций ОГПУ с функциями строительных ведомств. В итоге не были выполнены задания не только оптимального, но и намечавшегося более умеренного отправного варианта Первого пятилетнего плана, хотя провозглашено было «досрочное выполнение» за 4 года и 3 месяца [Гордон, Клопов, 1989. С. 51–55].

Вслед за «теорией «равновесия» Сталиным были «разгромлены» теории «самотека» (каковой в природе не существовало) и «устойчивости мелкого крестьянского хозяйства» (в «антинаучных» сочинениях «советских» экономистов типа Чаяновых» [Сталин, 1949. С. 152]). С экономистами – сторонниками третированных теорий – органы ОГПУ провели «проверочно-мордобойную работу» [Сталин, 1995. С. 211–212]. Почти все арестованные специалисты дали признательные показания в собственном «вредительстве», участии в контрреволюционных Промпартии, ТКП и «Союзном бюро РСДРП(м)».

Среди немногих исключений, не оговоривших себя и других, был В.А. Базаров. Не отрицая разногласий с правящей партией, в которую когда-то входил, он не признал себя виновным, заявив, что считает «теоретическое обсуждение всех вопросов политики и экономики принципиально допустимым». Это «обсуждение не может быть запрещено любому советскому гражданину, какой бы ни была его политическая биография» [Меньшевицкий процесс... 1999. С. 52, 53].

Последней статьей В.А. Базарова была «А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель». Но она увидела свет только в XXI в. [Базаров, 2002]. А тогда не могло быть речи о том, чтобы напечатать автора, который «арестован по обвинению в участии в контр-революц.

орг-циях, стремившихся к свержению сов. власти и связанных с вредительскими орг-циями специалистов. Исключен из Комакадемии» [*Деятели...*, 1933. Стб. 193].

К тому же многочисленные под-ленины и под-сталины, не исключая и отступников-карьеристов из «школы Бухарина», занялись поношением «богдановщины – идеалистической фальсификации марксизма, смыкающей с реакционной буржуазной наукой» [XVI съезд ВКП(б), 1930. С. 529–530], в то время, как Сталин направил директивное телеологическое планирование к постоянному *разрушению равновесия* в экономике [*Яхот*, 1982. С. 246].

Ретроспектива-I: «ортодоксия» против «среднерусского» марксизма

А. Богданову дважды крупно не повезло с «узкими смыслами», не без его собственной вины. Второй раз – когда отмежевался от Степанова-Скворцова и его «метода доказательства» посредством «сличения текстов» [*Богданов*, 1925. С. 306]: ссылка на Энгельса в разграничении политэкономии в «узком» и «широком» смысле слова не помешала бы. А первый раз, когда употребил вместо оборота «в узком смысле слова» выражение «в точном смысле слова». И неясно, и с поводом для обвинений в идеализме, ведь получилось «общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны» [*Богданов*, 1904. С.50–51]. Неудачный оборот *никогда более не был повторен* Богдановым, но лавинообразное искажение его взглядов уже не остановилось [*Ленин*, 1967–1975. Т. 18. С. 342–343].

Называя Богданова главной фигурой особого интеллектуального течения – «среднерусского марксизма», я хотел подчеркнуть своеобразие этого направления, отличие его от трех других, хрестоматийно известных [*Гловели*, 2019. С. 6, 11]. Отличие в том числе и в географических истоках, что, конечно, не стоит понимать буквально («в точном смысле»). «Плехановская ортодоксия» возникла в эмиграции. А в Петербурге и Нижнем Поволжье – ревизионистское и революционное направления, объединенные вначале борьбой с легальным народничеством, но затем растекшиеся на «легальный марксизм» (Струве, Туган-Барановский) и социал-демократию (Ульянов-Ленин, Потресов, Мартов).

Направление же А. Богданова оформилось в городах, относимых к средней полосе России (Москва, Тула, Калуга) и примыкающей к ней с северо-востока Вологодчине. Здесь, «на огромном пространстве, среди суровой природы», раскинулась нация, доказавшая свою энергию и способность к творчеству «всей своей трудовой жизнью, своей упорной борьбой со стихиями», своим эпосом [*Богданов*, 1909. С. 4]. Здесь было общее начало революционного пути Богданова-Малиновского, Базарова-Руднева, Степанова-Скворцова. Исключение из Московского университета; создание своего рода кружкового «университета» для тульских промышленных рабочих как ответ на их «хождение в интеллигенцию»; затем ссылка в Калугу, где к друзьям присоединился А. Луначарский. Как он вспоминал, друзей объединило стремление как можно шире развить эпистемологическую, эстетическую и этическую стороны марксизма, не сдавая его в плен узкой «плехановской ортодоксии» [*Луначарский*, 1968. С. 26]. И если эстетика и этика были по части самого Луначарского с его художественной складкой, уводившей то в «нищенизм», то в «богостроительство» [*Гловели*, 2018. С. 54–55], в эпистемологической, равно как и экономической, проблематике «первым среди равных» был Богданов [*Луначарский*, 1968. С. 249].

Хотя не он, а В. Руднев взял в качестве псевдонима фамилию хрестоматийного литературного героя, знаменитый афоризм этого героя может считаться отправным пунктом мировоззрения именно Богданова: «Природа не храм, а мастерская; человек в ней работник» [*Тургенев*, 1998. С. 216]. Причем с поправками: работник коллективный и более конкретно – крупного машинного производства, в котором Богданов увидел тенденцию

к преодолению двух исторических форм «дробления человека» – цеховой специализации и разделения на организаторов-исполнителей [Богданов, 1990. С. 40–41].

Идея-фикс социализма XIX в., обнаружившая трудность реализации в многочисленных коммунистических экспериментах [Станковская, 1988. С. 77] и запечатленная в формулировках I Интернационала о политехническом школьном обучении, – преодоление разделения труда, избавление человека от судьбы «искалеченных экономических разновидностей» [Энгельс, 1961. С. 309]. Но только Богданов и анархо-коммунист Кропоткин попытались соединить эту идею с системным обобщением достижений естественных и общественных наук.

Однако Кропоткин ориентировался на общинную децентрализацию промышленности, соединенной с земледелием и наукой [Кропоткин, 1908]. Тогда как марксист Богданов проектировал «планомерную организацию» общества как единого предприятия, полагая, что прогресс энергетики, автоматики и транспортировки создаст технические предпосылки для подобного единства в масштабе миллиардов жителей [Богданов, 1990. С. 93–94].

Схема подобного общества обрисована в романе-утопии «Красная звезда». Роман также отразил «научно-техническую революцию» [Богданов 1908. С. 66] рубежа XIX и XX вв., включая открытия в физике и химии первых Нобелевских лауреатов, и популярную тогда же, не только у фантастов, гипотезу о высокоразвитой цивилизации на Марсе. Астроном П. Лоуэлл, на свои деньги построивший специальную обсерваторию для картирования «красной планеты», полагал, что наблюдаемые им на Марсе «каналы» – сеть линий искусственного орошения, объединившая «марсиан» необходимостью сотрудничества в спасении от недостатка воды [Лоуэль, 1907. С. 135–136]. Богданов, помимо своих романов, не высказывался по поводу реальности «марсиан», но аргумент о планетарном единении в борьбе со «стихийностью природы» явно был для него веским, соединившись с ключевой для социалистов-утопистов идеей о том, что труд, не закрепленный односторонностью, – «естественная потребность каждого развитого социального человека» [Богданов, 1990. С. 133, 141]. Поэтому в обрисованном Богдановым утопическом коммунистическом обществе Марса «все люди любят переходить из одной области производства в другую», но при «одинаковой или приблизительно равной склонности к двум занятиям» имеющий выбор и необходимую подготовку работник выберет то, где потребность в работниках в данный момент сильнее [Богданов, 1990. С. 140]. А величину этой потребности показывает информационно-статистическая система Института подсчетов [Богданов, 1990. С. 141].

Богданов начал писать свой роман, имея за плечами революционный опыт руководства вместе с Л. Красиным Военно-технической группой РСДРП и заточения в петербургской тюрьме «Кресты», где он завершил свой философский трактат «Эмпириомонизм». После освобождения Богданов поселился рядом с Лениным на даче в Карелии, снимаемой врачом-большевиком Гавриилом Линдовым (Лейтейзенем). На даче и начались те философские и тактико-партийные распри между двумя лидерами Большевицкого Центра, которые инспирировали Ленина на ругань по адресу «реакционной философии Маха – Авенариуса», и высказанное «прямо и грубо» согласие с тем, что единственной философией марксизма может быть «диалектический материализм», защищаемый главным до того времени оппонентом Богданова – «ортодоксом» Плехановым.

Отвергая попытки Богданова дополнить «исторический монизм» Маркса элементами позитивистской эпистемологии, Ленин особенно (не без резона) ополчился против не совсем убедительного использования Богдановым биологических («подбор») и энергетических терминов в «обобщающей» интерпретации социального прогресса. Но, кроме того, Ленин тенденциозно выводил из метода философской «подстановки» Богданова его тактическую позицию, которую считал политически ошибочной (бойкот Государственной Думы), а также сомнительную метафорику Луначарского, в поисках «идеальных сокровищ» в марксизме, договорившегося до объявления одного новой «великой религией».

И уже явным перегибом палки было причисление виднейших европейских ученых-позитивистов того времени (Э. Маха, В. Оствальда, А. Пуанкаре) к «прямым философским реакционерам и проповедникам фидеизма» [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 230]. А также объявление «литераторским центром богостроительства» [Ленин, 1967–1975. Т. 47. С.198] школы для партийных организаторов и пропагандистов из рабочих, организованную Богдановым на о. Капри с помощью «пролетарского писателя» М. Горького, подлившего масла в огонь полемики своей проповедью «богостроительства» в повести «Исповедь».

Памфлет Ленина («Вл. Ильина») «Материализм и эмпириокритицизм» не снискал автору признания как философу; продолжившаяся полемика, по-видимому, обескуражила Ленина. Сталин, известный тогда еще только как Коба, писал другому грузину-большевику, что в ответном памфлете Богданова «Вера и наука» были очень верно подмечены «отдельные промахи Ильича» [Такер, 1990. С. 145]. Еще один грузин, рабочий Мелитон Филия, при встрече с Лениным изложил «оставшиеся у товарищей вопросы» и просьбу разъяснить их. На что получил ответ: «Нет, нет. Хватит с меня. Больше за философию не возьмусь... по философии писать не буду» [Филия, 1927. С. 62]

Однако, как сегодня известно, кроме философии и тактики, борьба с Богдановым для Ленина имела еще аспект контроля за партийной кассой [Богданов, 1995б. С. 100–141]. И здесь Ленин, считавший, что «нельзя делить время между революцией и заботами о зарплате» [Войтинский, 1924. С. 102], преуспел, выиграл внутривластную «кассовую борьбу». И продолжил партстроительство уже исключительно под своим единоначалием (с Пражской конференции РСДРП 1912 г., после которой в ЦК был кооптирован Коба – Сталин). А вот Богданов не удержался ни в ЦК РСДРП, ни в им же созданной группе «Вперед», а тем самым – и в партии, с которой последняя связь – через газету «Правда» – была оборвана под нажимом Ленина, не давшего ходу статье Богданова «Идеология».

Эта статья в самом сжатом виде излагала поворот богдановского позитивизма к идее «последних дней» философии (с ее «созерцательной тенденцией»), поэтому и свою собственную философскую систему Богданов считал пройденным этапом [Богданов, 1910, С. 140]. Новый же этап он определил как поиск «универсальных организационных методов», общих для «самых различных приемов, применяемых человечеством в его познании и в труде». И сводимых в «науку будущего», которая стала бы инструментом коренного реформирования всего общественного строя, превратив решение самых сложных организационных задач в «дело не индивидуального таланта или гения», а коллективного научного анализа [Богданов, 1990. С. 283].

Поворот Богданова выразился в его книгах «Падение великого фетишизма», «Культурные задачи нашего времени», «Инженер Мэнни» (фантастический роман), «Тектология: всеобщая организационная наука», «Наука об общественном сознании». Именно эти работы 1910–1914 гг. стали главным достижением «среднерусского марксизма»; Богданов резонно подчеркивал, что главные из его работ написаны после 1909 г. [Богданов, 2019, С. 605].

Богданову не были знакомы ранние работы Маркса и Энгельса с обоюдоострой постановкой вопроса: «идейные образования должны быть объяснены из материальной практики» [Маркс, Энгельс, 1955. С. 37] – «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [Маркс, 1955. С. 422]. Однако углубленная разработка «исторического монизма» привела его сначала к последовательному «социально-генетическому» объяснению идейных образований от мифов до естественнонаучных теорий, а затем – к убеждению, что «идеология, или духовная культура, выполняет организующую функцию в жизни общества, групп и классов» [Богданов, 1911. С. 44]. Отсюда – принципиальное разрешение вопроса о «базисе» и «надстройке», по которому ломали копья сторонники и противники «экономического материализма» среди русских политэкономов, философов и социологов рубежа веков [Кареев, 1904. С. 267]. Идеология (общественное

сознание) происходит из того, что идеологией не является, – из общественного бытия (производства), но, будучи «генетически вторичными», идеологические формы (от языка до теоретического естествознания) оказывают активное обратное воздействие на социально-экономические отношения [Богданов, 1910. С. 8; Богданов, 1995, С. 196]. Отсюда же – и смещение «исторической миссии рабочего класса» («мировой организационной задачи») на «положительно-практическую сторону осуществления нового строя» [Богданов, 1918а. С. 21]. «Повторение организационных типов на всех ступенях бытия» [Богданов, 1913. С. 24] должно было стать опорой в решении этой задачи, а универсальная организационная наука – опорой в общей теории «базиса» (политэкономии) и общей теории «надстроек», идеологии («Наука об общественном сознании»).

Ретроспектива-II: клеветный ленинизм против Богданова и Бухарина

Новые произведения Богданова изначально были определены Лениным как мишени для «марксизма» клеветного, когда окружению (сам «писать не буду»!) поручается полемика с заданной тенденциозностью, исключаяющей минимальную объективность. Первыми «антибогдановскими» клеветами стали В. Милютин («Павлов») и Л. Каменев («Корсов»), в ленинском журнале «Просвещение» (1914) выступившие с нападками на появившуюся «Тектологию» и новые издания экономических учебников Богданова. Причем Каменев обвинял бывшего старшего товарища (им же и привлеченный к партийной работе) в том, что в *системе Богданова*, «в отличие от системы Маркса, идея общности всех людей превалирует над идеей классовой и групповой борьбы» [Каменев, 1923. С. 285].

Между тем Богданову стало совсем не до «групповой борьбы» – вернувшийся в Россию, он был призван как военврач с началом мировой войны в действующую армию и настолько потрясён увиденным на фронте, что заболел экземой и был демобилизован для лечения в Москве. Фронтные впечатления трояким образом повлияли на дальнейшую идейную эволюцию. Во-первых, Богданов ощутил, что прогресс человекоубойной техники приблизился к уровню, о котором он сам писал на первых страницах романа «Инженер Мэнни». Если бы открытия марсианской «науки о строении материи стали теперь известны на Земле, то у милитаризма враждебных друг другу наций оказались бы в руках истребительные орудия невиданной силы, и вся планета в несколько месяцев была бы опустошена» [Богданов, 1990. С. 204]. Во-вторых, Богданов разочаровался в идеологах западной социал-демократии, поддержавших «реакционный истребительный блок», сплоченный посредством «национально-патриотических фетишей» [Богданов, 1990. С. 326, 329]. В-третьих, Богданов воочию увидел не только «зияющую пропасть» между идеалом и классовой деятельностью пролетариата [Богданов, 1990. С. 350], но и ужас «равнения по низшим уровням психики» в действиях солдатизированной малокультурной массы [Богданов, 2005. С. 27; Богданов, 2019. С. 263–264].

Отсюда – позиция в 1917 г. Ожидание социалистической революции в Европе – маниловщина; не тот уровень культурной самостоятельности и организованности рабочего класса. При этом Богданов не отрицал необходимости и неизбежности *ряда иных революций* – «характера ликвидационного, уничтожающих наследство войны» (олигархию, диктатуру властей, гипертрофию рантьерства). Что же касается «солдатско-коммунистической революции» большевиков, все время рвавших мосты между собой и другими социалистами, – то ее Богданов назвал «школой демагогии-диктатуры», скорее отдаляющей, чем приближающей социализм [Богданов, 1990. С. 343, 355].

В письмах к Базарову и в редакцию газеты «Новая жизнь» в течение 1917 г. Богданов подчеркивал, что сосредоточился на «деле жизни – «Тектологии» и «отрекся от поли-

тики – надеюсь, навсегда». Однако в автобиографии, написанной в 1925 г., вынужден был заметить: «хотя я окончательно оставил политику, она не совсем оставила меня» [Богданов, 1995а. С. 187, 193, 19]. Но иначе быть не могло – ведь именно Богданов первым дал критический анализ политики «военного коммунизма» в самом ее зародыше. Задолго до того, как Ленин задним числом признал эту политику несостоятельной в смысле хозяйственного строительства и долговременных интересов пролетариата, хотя и «заслужив» для победы большевиков в гражданской войне [Ленин, 1967–1975. Т. 43. С. 220].

Но до того Ленин и его окружение единодушно считали, что взятием власти взойшли по исторической лестнице на «ступеньку, называемую социализмом» [Ленин, 1967–1975. Т. 34. С. 193]. Богданов же диагностировал появление «военно-коммунистического» формационного «ублюдка» в «атмосфере миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление» [Богданов, 1990. С. 344].

На книгу Богданова «Вопросы социализма» резко негативную рецензию («оппортунистическое культурничество») написал Бухарин [Бухарин, 1918. С. 19]. Богданов тогда ответил статьей с характерным заглавием «Повязка», намекая на прикрытие глаз от действительности [Богданов, 1918б]. Но «Тектологию» Бухарин оценил высоко, в противоположность Ленину, давшему очередному клевету – Невскому – отмашку обрушиться на новые труды Богданова как на «философию мертвой реакции». Самому Ленину «писать по философии» теперь не было надобности: рычаг власти позволял ограничиться переизданием не имевшего успеха старого памфлета с небрежной припиской: «не имел возможности ознакомиться... но под видом «пролетарской культуры» проводятся А.А. Богдановым реакционные и буржуазные воззрения» [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 12].

Бухарин резонно заметил Ленину в ответ на записку того, что Богданов хотел лишь «переодеть» старый спор:

- «1. Все можно рассматривать как системы, т.е. элементы в определенном типе связи.
2. Если это так, то можно вывести некоторые общие законы.
3. Тогда философия становится излишней и заменяется всеобщей организационной наукой.

Эта постановка вопроса лежит в иной плоскости, чем эмпириомонистическая. С ней можно спорить, но ее нужно хотя бы понять. А этого *minimum*'а у Невского нет» [Бухарин, 1959. С. 384].

В 1929 г. клеветному ленинизму никакого *minimum*'а понимания тем более не было нужно, а повязкой следовало прикрывать глаза не только при взгляде на действительность, но и при чтении.

В московском доме на Волхонке, 14, где разместились Институт экономики и Институт философии АН СССР, на десятилетия была установлена памятная доска, напоминавшая, что именно в этом здании проходила в 1929 г. конференция «аграрников-марксистов», на которой И.В. Сталин разгромил «теорию равновесия». А когда репрессии, как «необходимый элемент наступления в социалистическом строительстве» [Сталин, 1949. С. 309], были доведены до сфабрикованных процессов над исключенными из партии «реставраторами капитализма», изобличители последних (т.е. «эклектика Бухарина», прежде всего) спешили упомянуть, что «враги народа» использовали для обоснования «правого уклона» «механистическую теорию равновесия» Богданова.

Институт переливания крови был организован при прямой поддержке Бухарина и Сталина, когда в борьбе с «троцкизмом» они выступали «дуумвиратом» [Коэн, 1986. С. 224]. В первом сборнике трудов Института, оперативно изданном после героической гибели директора-основателя, рядом с речью Бухарина была напечатана речь преемника Богданова на директорском посту Богомольца. А через 10 лет голос академика Богомольца был среди тех, кто в печати призывал к смертной каре исключенного из Академии наук СССР «правого троцкиста» Бухарина.

После 1956 г. памятную доску на Волхонке сняли – но не «повязку» при чтении. Замечания на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» не вошли в «полное» собрание сочинений Ленина. Но были-таки переизданы в 1985 г. с редакционной припиской без упоминания о «механистической теории равновесия», но с напоминанием, что в пику автору «Ленин утверждал, что политическая экономия как наука об экономических законах развития общества сохранится и при коммунизме».

Однако не на этом сделали акцент републикаторы, а на том, что «в книге нашли отражение ошибочные взгляды Бухарина о путях перехода к социализму, восхваление «пролетарского принуждения» как основного метода строительства социализма и коммунизма. Экономика переходного периода и социалистическая система хозяйства, утверждал он, не знают объективных закономерностей, они развиваются по усмотрению пролетарского государства. [...] Бухарин, выдвигая ошибочную теорию «внеэкономического принуждения», в то же время ратовал за освобождение от всяких руководящих начал в области хозяйственной политики.

В своих замечаниях Ленин решительно осудил эту откровенную проповедь волюнтаризма, он критиковал автора за отход от марксистского определения политической экономии, подчеркивая необходимость познания объективных экономических закономерностей и после свержения капитализма» [Ленин, 1985. С. 429–430].

Трудно сказать, отражен ли в цитируемых абзацах только застойный маразм клеветного ленинизма или скрыта издевка. Ведь на самом деле придиричивый кремлевский диалектик, столько ерничавший по поводу «схоластики понятий» и «эклетицизма» Богданова, из всех глав книги Бухарина лучше всего отзывался именно о главе «Внеэкономическое принуждение в переходный период». С полным одобрением – на полях этой главы *исключительно* пометки «оч [ень] хорошо!» и «верно!». И веское «именно!!!» напротив вывода «пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, **методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи**» [Ленин 1985. С. 396]. И следом – «Вот эта глава превосходна!».

В 1929 г. этот вывод никого не смутил. В 1985 г. явно смущал – отрицательное отношение к «военному коммунизму», очевидно, просочилось уже и в руководство Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Прошло еще несколько лет, и с призывом к «новому прочтению Ленина» в духе апологии НЭП началась «перестройка», принесшая не только партийную реабилитацию Бухарина, но даже и признание за Богдановым не только приоритета в разработке системно-кибернетических идей, но и приоритета в критике «военного коммунизма» [Булдаков, Кабанов, 1990. С. 41].

Однако кратковременное посмертное торжество Бухарина над его соратником-палачом Сталиным вскоре завершилось общим историческим поражением деятелей Октября 1917 г. и распадом основанной ими страны. А масштаб противостояния «Ленин – Богданов» так и не был осмыслен; развенчание первого не прекратило оболгания и огрязнения второго, хотя теперь к сточным канавам клеветного ленинизма добавились таковые и антиленинизма. Например, в контексте «изобличения» коммунистического лозунга «нового человека» – дескать, организация Богдановым опытов по обменному переливанию крови была якобы продиктована желанием «принудительно» улучшить человеческую породу. Это гнусная ложь – в отличие от иных его современников-«евгеников» из числа профессиональных биологов-генетиков Богданов *никогда* не отступал в медицинских опытах от принципа добровольности и никакого другого не мыслил.

Последняя прижизненная книга «тектолога» Богданова, уже директора Института переливания крови, содержит одно интересное замечание. Автор *как врач* выступает против методов повышения производительности труда, рекомендуемых знаменитой американской «системой Тейлора», – достижения эффекта за счет «одностороннего развития

какой-нибудь специальной, иногда весьма мелкой функции по «рекордному» типу со всеми шансами на ранний и ускоренный упадок организма» [Богданов, 1927. Гл. 8]. В этом пункте тектолог словно возвращается к своим спорам с главным проповедником тейлоризма в Советской России А. Гастевым на страницах журнала «Пролетарская культура» и на первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства. А ведь именно из полемической статьи против Гастева заимствовал Бухарин те самые «термины тов. А. Богданова», которые дали повод Ленину изрядно позлословить про «идеализм и эклектицизм».

Разберемся же, кто эклектик.

Богданов против «военного коммунизма» и тейлоризма, или эклектицизм Ленина

Как писал Богданов в автобиографии, он был устранен из ЦК РСДРП в «качестве левого большевика». Тогда он возглавлял тех в партии, кто не хотел смириться с поражением первой русской революции и считал ограниченными легальные методы борьбы; более того, первые читатели «Красной звезды» увидели в романе «ласточку на скорое возрождение революции», не замечая основной мысли автора о принципах организации коммунистического общества [С.Д., 1918. С. 31]. Но 1917 г. встретил уже изменившийся Богданов. Убежденный не только в том, что «мировая война поставила ясно дилемму: преодоление анархии социальных сил и интересов или распад цивилизации», но и в том, что «из царства необходимости в царство свободы ведёт не скачок, а трудный путь» [Богданов, 1918. С. 74].

«Максимализм» своей длительной «программы культуры» для методической подготовки перехода от «классовой стихийности» к «всесоциальной планомерности» Богданов противопоставлял военно-политическому максимализму революционного «скачка». Сборник «Вопросы социализма», законченный в ноябре 1917 г., содержал прямую критику концепции «государства-коммуны» Ульянова-Ленина и взглядов экономиста-журналиста М. Лурье (Ю. Ларина), принятого в партию большевиков на VI съезде РСДРП (б) в составе группы «межрайонцев», возглавляемой Л. Троцким. Вместе с этой группой в партию вернулся и А. Луначарский, после Октябрьского восстания большевиков получивший пост наркома просвещения в правительстве Ленина – Троцкого и предложивший Богданову «любой пост» в Наркомате. Отвечая отказом, Богданов направил другу письмо, в котором резюмировал критику «логики военного коммунизма» Ленина – Троцкого – Ларина, развёрнутую в книге «Вопросы социализма» и позже, уже в начале 1918 г., в статье «Судьбы рабочей партии в нынешней революции».

Богданов вскрыл за «логикой казармы» переродившегося большевизма ряд подмен: планомерной организации – вопросом ударной силы и захвата власти; трудовой теории стоимости – уравниловкой однообразной зарплаты; идеала социализма – «ублюдком капитализма и потребительного военного коммунизма». Рост и распространение с фронта на тыл «врезающейся в систему капитализма военно-коммунистической организации» породили максималистские построения об условиях «материальной зрелости» для социализма в рамках государственно-монополистического капитализма. Эти построения были изложены в статьях Ларина в русской печати и в брошюрах Ленина лета–осени 1917 г. «Государство и революция» и «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

Ленин и Ларин сначала утверждали на примере Германии, что государственное регулирование капитализма в военных условиях создало такие формы управления хозяйством страны, которые в случае взятия власти «вооружёнными рабочими» могут быть легко использованы для налаживания «планомерного» хозяйства. А затем, после захвата власти большевиками Ленин и Ларин через централизованный орган управления промышленно-

стью – ВСНХ, возглавляемый сначала Н. Осинским, а затем А. Рыковым, стали проводить наполнение «пролетарским классовым содержанием» заимствованных форм германского военно-государственного капитализма немцев. Причем Ленин едва ли не единственный раз положительно упомянул русского царя: «всеми силами учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [Ленин, 1967–1975. Т. 36. С. 301].

Богданов объяснил успех большевиков в захвате власти, во-первых, лозунгом «мира», увлекшим уставшие от бессмысленной войны массы. Во-вторых, тем, что «в России максимализм развился больше, чем в Европе, п. ч. капитализм у нас слабее, и влияние военного коммунизма, как организационной формы, соотнositельно сильнее». [Богданов, 1990. С. 352]. Но государственный капитализм с нормировкой производства и сбыта, всеобщей трудовой повинностью и т.д. есть не подготовка «планомерной организации» на более высоком уровне производительных сил, а лишь временная система приспособлений к процессу разрушения производительных сил [Богданов, 1990. С. 352].

Максимализм Ленина и Ларина проявлялся не только в отождествлении этой временной системы с «полнейшей материальной подготовкой социализма», в «расчете на мировую революцию» и поспешности мер перехода к безденежному хозяйству, проводимых ВСНХ. Служивший до 1926 г. в ВСНХ и Наркомвнешторге лесопромышленник С. Либерман, считавший, как и многие очевидцы «военного коммунизма», именно господство «духа Ларина» ответственным за усугубление хозяйственной разрухи «хаотическими экспроприациями и национализациями» и «стихией всеобщего поравнения», вспоминал о словах Ленина в ответ на высказанное мнение о несуразности ларинских декретов: «Мы ведь творим революцию. Наша власть, быть может, недолго просуществует, но эти декреты войдут в историю, и будущие революционеры будут на них учиться. Будут, быть может, учиться именно на тех декретах Ларина, которые вам кажутся столь нелепыми. Мы имеем перед собой, в качестве образца, декреты Парижской Коммуны». [Либерман, 1945. С. 4].

Богданов, критикуя «военный коммунизм», указывал, что с послевоенной нормализацией капиталистического хозяйства государственная трудовая повинность отойдет в прошлое. Партия и правительство Ленина – Троцкого, декретировав всеобщую трудовую повинность в январе 1918 г., через два года пришли к программе всесторонней «мобилизации индустриального пролетариата» и «милитаризации хозяйства», в деталях развитой Л. Троцким весной 1920 г. и закрепленной резолюцией X съезда РКП(б) о переходе к «милиционной системе» экономики, основанной на трудовых армиях. К концу 1920 г. Н. Осинский разработал план «массового принудительного вмешательства государства в сельское хозяйство» – мобилизации «пластами»: севооборота, «людей, лошадей, инвентаря как для организованного выполнения предшествующих требований, так и для переброски туда, где не хватает рабочих рук и средств производства» [Осинский, 1920. С. 9].

Осознавая глубочайший кризис российского сельского хозяйства, Ленин, по воспоминаниям Осинского, весьма заинтересовался его соображениями, «энергично возражая, однако, против элементов принудительности в этих выводах», и сделав свой вывод «о необходимости вовсе оставить политику военного коммунизма» [Осинский, 1990. Стб. 97]. С переходом к НЭП прежнее доверие Ленина к Ларину сменилось сарказмами относительно «избытка фантазии» у последнего [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 125], а в кругах беспартийных «спецов» Ларина воспринимали как сумасшедшего прожектора [Ясный, 2012. С. 159].

Это не мешало, однако, партийным клеветам оскорблять Богданова, с полным основанием подчеркнувшего в записных книжках: «Ничем нельзя изменить того факта, что в 17-м мной было сказано – вы можете устроить не социализм, а только военный коммунизм, и в 21-м было признано – у нас был только военный коммунизм, а не социализм»

[РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 28]. Тот же Осинский с пеной у рта изрекал на дискуссии о предмете политэкономии, что «Богданов не марксист», а какой-то партийный писака в нападках на учебники Богданова заявлял, что «мы военный коммунизм до сих пор считали марксизмом, внедренным Лениным в практику» [Петров, 1924. С. 100].

Любивший обвинять оппонентов, и в первую очередь Богданова и Бухарина, в «эклетицизме», Ленин в свою военно-коммунистическую «логику» интегрировал типичнейший эклектицизм, полагая, что в русскую «диктатуру пролетариата» можно механически вставлять «хорошее из-за границы»: «Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = Σ^* = социализм» [Ленин, 1967–1975. Т. 36. С. 550].

Это – эклектицизм Ленина на макроуровне. А на микроуровне главное значение Ленин придавал внедрению американской рационализации и интенсификации труда (тейлоризма). Он в 1918 г. призывал «создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее» и даже ДЕКРЕТОМ «привлечь американских инженеров» для проведения системы Тейлора: «Без нее повысить производительность нельзя, а без этого мы не введём социализма» [Ленин, 1967–1975. Т. 36. С. 190, 212].

Ленин поддержал А. Гастева – главного проповедника тейлоризма в России – и помог ему организовать Центральный институт труда (ЦИТ). Гастев успел побывать социал-демократом и анархо-коммунистом, депутатом одного из первых в истории Совета рабочих депутатов в Костроме (1905) и слесарем на передовом машиностроительном российском заводе «Новый Айваз» в Петербурге (1913). Вызвавшие широкий интерес в русском деловом мире и в публицистике идеи американского «научного менеджмента» были претворены Гастевым в тарифно-нормировочную типологизацию, смешанную с литературным авангардизмом – ошарашивавшей «поэзией рабочего удара»:

«Мы сдвинем, мы сдвинем нашу родину-землю.

Эй вы, тихие потребители жизни! Разве вы не видите, как неудобно посажена земля, как неловко ходит она по орбите? Мы сделаем её безбоязненно гордой, дадим уверенность, пропитаем новой волей» [Гастев, 1959. С. 157].

До того, как Гастев возглавил ЦИТ, он сотрудничал в журнале «Пролетарская культура», где опубликовал провоцирующую статью против «схематика А.А. Богданова», с классификацией тарифных рабоче-индустриальных типов и выводом: «Из края в край мира гуляют мощные грузные психологические потоки, для которых как будто уже нет миллиона голов, есть одна мировая голова. В дальнейшем это тенденция незаметно создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системами включений, переключений, замыканий» [Гастев, 1919. С. 44].

В течение века представители не рабоче-индустриальных, а псевдонаучно-филистерских типов, не зная ни одного российского тейлориста, кроме Гастева, и спекулируя на факте его пролеткульта, не раз объявляли Гастева последователем Богданова, далее пускаясь в рассуждательство о «технократизме» и «тоталитаризме».

Но надо сказать, что, несмотря на поддержку Ленина, тейлористские крайности Гастева были раскритикованы и в журнале «Пролетарская культура» [Калинин, 1919. С. 3], и на 1-й всероссийской конференции по НОТ, где не кто иной, как А. Богданов, прямо противопоставил тейлоризм и подлинно научную организацию труда [Труды..., 1921. С. 55].

Следует также сказать, что жупел «тейлоризма» не должен вводить в заблуждение, ибо внедрение тейлоровского «научного менеджмента» интенсификации труда, хотя и сопровождалось серьезными коллизиями, способствовало в итоге переходу Запада к высокопроизводительному обществу массового потребления [Дракер, 1999. С. 89]. В Советской же России «переваривание» тейлоризма в форме «научной организации труда» (НОТ) было не только способом повышения культуры производства, но и «смычки»

государства со «спецами». Богданов рассматривал распространение *тейлоризма* как проявление тенденции позднего капитализма к поддержке *частных организационных наук*. Хотя доклад самого Богданова на упомянутой конференции по НОТ был резонансным, непосредственного участия в дальнейшем движении НОТ Богданов из-за начавшейся травмы не принимал.

А в прямой полемике с Гастевым в 1919 г. Богданов и разграничил понятия «планомерная организация», «регулирование» и «нормировка», которые Гастев отождествлял. И которые однажды использовал Бухарин «в том значении, в котором они употребляются тов. А. Богдановым» [Бухарин, 1920. С. 33].

Каково же значение этих терминов у Богданова?

«Регулирование» – лишь упорядочение того, что делается, внесение правильности в идущий процесс работы. «Нормировка» – регулирование по шаблонам, например, предписание рабочим жёстко определенного дневного задания («урока»). А «планомерная организация» – «инициативно-творческая сторона процесса», комбинирование данных опыта в «цельную действенную группировку». Именно эта сторона является по преимуществу человеческой, всего меньше может передаваться механизму, всего больше зависит от культуры работника – «от суммы его опыта и знания, от навыка в применении методов». Напротив, сторона регулятивная, а особенно регулирование по нормам, по шаблонам, несравненно меньше связана с этими условиями и путем технического упрощения, дробления на отдельные операции и т.д. доводится в массе случаев до такой элементарности, что передается неквалифицированному работнику и машине [Богданов, 1919. С. 47–48].

Ясно, что только «неприязнь ко всему связанному с Богдановым» [Козн, 1986. С. 102] могла вызвать у предвзятого Ленина бурчанье об «идеализме и эклектицизме». И это была предвзятость не первая и не последняя.

Когда быстро развеялись упования на службу специалистов большевикам за однообразную зарплату, Предсовнаркома заявил на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства (май 1918 г.), что *не знает* ни одного сочинения о социалистическом обществе, «где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники – превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма» [Ленин, 1967–1975. Т. 36. С. 382].

Неправда – знал Ленин такую книгу: «Вопросы социализма» А. Богданова, но лишь ругал за нее автора [Лебедев-Полянский, 1958], подчеркивавшего, что достижение «хозяйственной планомерности» – задача не менее техническая, чем экономическая, требующая не только привлечения многих наук, но и разработки универсальной науки о планомерных комбинациях мировой практики и познания всеобщей организационной науки [Богданов, 1918. С. 30–31]. Которой как делу жизни и посвятил себя Богданов, притом полученные им результаты уже в 1917 г. далеко выходили за рамки простых деклараций. Но на пути этих результатов стали клеветный ленинизм, а затем сталинская экономика «разрушения равновесия».

Жизненная драма «марсианина, заброшенного на Землю» [Богданов, 2019. С. 651–652], завершилась в Институте переливания крови. Посмертная трагедия началась в прямой связи с падением Бухарина. Тот в надгробной речи охарактеризовал погибшего как «одного из крупнейших умов всех стран», перечисляя: «Экономист, социолог, биолог, математик, врач, философ, революционер, наконец, автор прекрасной «Красной звезды» [Бухарин, 1989. С. 346]. Но для оценки вклада Богданова в какую-либо из всех названных областей нужно понимание хотя бы *minimum*'а в другой области. Этого *minimum*'а не бывает у клеветников и филистеров.

(Окончание следует).

ЛИТЕРАТУРА

- Базаров В.А. (2002). А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель // Вестник Международного института А. Богданова. № 4(12). С. 5–35.
- Базаров В.А. (1924). К методологии перспективного планирования. М.: Госплан.
- Базаров В.А. (1928). Прение // О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. М.: Коммунистическая академия. С. 73–83.
- Белых А.А. (2007). История российских экономико-математических исследований: Первые сто лет. Изд. 2-е, доп. М.: ЛКИ.
- Богданов А.А. (1927). Борьба за жизнеспособность. М.: Ин-т переливания крови.
- Богданов А.А. (1918а). Вопросы социализма. М.: Книгоизд-во писателей в Москве.
- Богданов А.А. (1990). Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат.
- Богданов А.А. (1913). Всеобщая организационная наука (Тектология). СПб.: М.И. Семенов.
- Богданов А.А. (1904). Из психологии общества. СПб.: С. Дороватовский и А. Чарушников.
- Богданов А.А. (1995б). История «частной финансовой группы с.-д. большевиков» // Неизвестный Богданов. Кн. 2. М.: ИЦ «АИРО-XX».
- Богданов А.А. (1911). Культурные задачи нашего времени. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников.
- Богданов А.А. (1919). О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. № 9/10. С. 46–52.
- Богданов А.А. (1909). От редакции // Очерки философии коллективизма. Сб. 1. СПб.: Тов-во «Знание». С. 3–6.
- Богданов А.А. (1910). Падение великого фетишизма. Вера и наука. СПб.: С. Дороватовский и А. Чарушников.
- Богданов А.А. (1918б). Повязка // Новая жизнь. № 8, 9 июня.
- Богданов А.А. (1924). Письмо в редакцию. Об основном историзме политической экономии // Вестник Коммунистической Академии. Вып. 9. С. 398–400.
- Богданов А.А. (1925). Прение по докладу // Вестник Коммунистической Академии. Вып. 11. С. 301–307.
- Богданов А.А. (1908). Приключения одной философской школы. СПб.: Тов-во «Знание».
- Богданов А.А. (1995а). Статьи, доклады, письма и воспоминания // Неизвестный Богданов. Кн. 1. М.: ИЦ «АИРО-XX».
- Богданов А.А. (2019). Тектология: Всеобщая организационная наука. 6-е изд., доп. М.: ЛЕНАНД.
- Богданов А.А. (2005). Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления // Вестник МИАБ. № 2(22). С. 5–42.
- Богданов А., Степанов И. (1925). Курс политической экономии. Т. 1. 4-е изд. М.-Л.: Госиздат.
- Богданов А., Степанов И. (1924). Курс политической экономии. Т. 2. Вып. 4. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. 3-е изд. М.-Пг.: Госиздат.
- Булдаков В., Кабанов В. (1990). «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. № 3. С. 40–58.
- Бухарин Н.И. (1928). Заметки экономиста // Правда. № 228, 30 сентября. С. 2–3.
- Бухарин Н.И. (1959). Записки по поводу статьи Невского «Диалектический материализм и философия мертвой реакции» // XII Ленинский сборник. М.: Госполитиздат. С. 384.
- Бухарин Н.И. (1989). Памяти А. Богданова // Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. Кн.2. М.: Экономика. С. 345–347.
- Бухарин Н.И. (1925). Прение по докладу // Вестник Коммунистической Академии. Вып. 11. С. 292–297.
- Бухарин Н.И. (1918). Рец. на: Богданов А. Вопросы социализма // Коммунист. МК РКП(б). № 3. С. 19.
- Бухарин Н.И. (1920). Экономика переходного периода. М.: Госиздат.
- Войтинский В. (1924). Годы побед и поражений. Кн. 2. Берлин: Гржебин.
- Гастев А. (1959). Кран // Пролетарские поэты первых лет Советской эпохи. Л.: Сов. писатель. С. 155–157.
- Гастев А. (1919). О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9/10. С. 35–45.
- Гловели Г. Д. (2017). А. А. Богданов: от политической экономии к тектологии // Вопросы политической экономии. № 1. С. 79–100.
- Гловели Г. Д. (2018). Не-богостроительство и не-вампиризм: демифологизация творческого наследия А.А. Богданова // Полилог. Т. 2. № 4 (6)
- Гловели Г. Д. (2019). Среднерусский марксизм и системное мышление: организационная наука А.А. Богданова // Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. 6-е изд., доп. М.: ЛЕНАНД. С. 6–82.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. (1989). Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Политиздат.
- Григорьев Г.И. (2018) Обучение в Московском университете. 1921 год. russian-history.blogspot.com/2018/02/1921.html.
- Деятели революционного движения в России (1933). Т. 5. Социал-демократы. Вып. 1. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев.

- Дракер П. (1999). Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Прогресс. С. 67–100.
- Калинин Ф.И. (1919). Пролетарская культура и ее критики // Пролетарская культура. № 9/10. С. 1–4.
- Каменев Л. (1923). Между двумя революциями : Сб. ст. 2-е изд. М.: Новая Москва.
- Кареев Н.И. (1904). Экономический материализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 79. СПб: Брокгауз и Ефрон. С. 264–268.
- Коэн С. (1986). Бухарин и большевистская революция. Michigan: Ardis Publishers, Ann Arbor.
- Кропоткин. П.А. (1908). Поля, фабрики и мастерские / С англ. пер. А.Н. Коншин. 3-е изд. М.: Посредник.
- Лебедев-Полянский П.И. (1958). Встречи с Лениным // Новый мир. № 11. leninism.su/memory/4344-zhivoj-lenin.html?showall=&start=17
- Ленин В.И. (1929). Замечания на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» // XI Ленинский сборник. – М.: Госполитиздат. С. 345–403.
- Ленин В.И. (1985). Замечания на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» // XI Ленинский сборник. М.: Госполитиздат. С. 383–431.
- Ленин В.И. (1967–1975) Полное собрание сочинений. М.: Политиздат.
- Либерман С. (1945). Построение России Ленина. New York: New Democracy Books. www.pseudology.org/Liberman/lbr-5.html
- Лоуель П. (1907). Населен ли Марс? // Вестник знания. № 10–11. С. 134–137.
- Луначарский А.В. (1967). Воспоминания и впечатления. М.: Сов. Россия.
- Маркс К. (1955). К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М.: Госполитиздат.
- Маркс К. (1960). Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Госполитиздат.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Госполитиздат.
- Меньшевистский процесс 1931 года. (1999). Сб. документов. М.: РОССПЭН.
- Осинский В. (1989). Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. М.: Книга. С. 569–573.
- Осинский Н. (1920). Государственное регулирование сельского хозяйства. М. Госиздат.
- Петров Н. (1924). С «исправленным» Марксом против коммунизма // Большевик. № 5–6. С. 96–102.
- Преображенский Е. А. (2006). Архивные документы и материалы: 1886-1920 гг. / Сост. М. М. Горинов. М.: Главархив.
- С.Д. (1918). Рец. на: Богданов А. Красная звезда. Богданов А. Инженер Мэнни // Пролетарская культура. № 3. С. 31–32.
- Сталин И. (1931). Вопросы ленинизма. 9-е изд., доп. М.: Гиз.
- Сталин И. (1995) Письмо Молотову 2 сентября 1930 года // Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М.: ИЦ «Россия молодая».
- Сталин И. (1949). Сочинения. Т. 12. М.: Госполитиздат.
- Станковская С.А. В поисках «Гармонии» // Коммунистический утопический эксперимент в истории общественной мысли и социальных движений. Л.: ЛГУ. С. 64–84.
- Степанов И. (1925). Что такое политическая экономия? // Вестник Коммунистической Академии. Вып. 11. С. 257–292.
- Струмилин С.Г. (1928). Со доклад // О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. М.: Коммунистическая академия. С. 26–39.
- Такер Р. (1990). Сталин. Путь к власти. 1979–1929. М.: Прогресс.
- Труды первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства. Вып. I. М., 1921.
- Тургенев И.С. (1998). Отцы и дети. М.: Дрофа.
- Филия М. (1927). Из давних встреч // О Ленине. Сб. воспоминаний. М.: Госиздат.
- Широкопад Л.Д. (1988). Методологические дискуссии // Всемирная история экономической мысли. Т. 4. М.: Мысль.
- Энгельс Ф. (1961). Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М.: Госполитиздат.
- Эрлих А. (2010). Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело.
- Ясный Н. (2012). Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: ИД Дело.
- Яхот И. (1982). Гибель тектологии Богданова – предшественницы кибернетики и системной теории // СССР: внутренние противоречия. Вып. 3. NY: Chalidze Publications. С. 227–273.
- VIII Съезд РКП (б) (1959). Протоколы. М.: Госполитиздат.
- XVI съезд ВКП(б) (1930). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат.
- Singh S. (1997). Fermat's Enigma: The Epic Quest to Solve the World's Greatest Mathematical Problem.

Гловели Георгий Джемалович

ggloveli@hse.ru

Georgii Gloveli

doctor habilitatus in economics, head of Center of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ggloveli@hse.ru

LENINISM, “TERMS OF TOV. A. BOGDANOV” AND PHILOSOPHER IILENKOV AS AN APOLOGIST OF THE STALIN’S ECONOMY “DESTRUCTION OF EQUILIBRIUM” (PART I)

Abstract. The article clarifies the reasons for the negative attitude in the Soviet economic discourse to the category of “equilibrium” after 1929. Such negativism resulted from V. Ulyanov-Lenin’s comments on the margins of N. Bukharin’s book “The Economy in Transition”. Lenin labeled “idealism” and “eclecticism” on the concepts of “organizational point of view”, “planning organization”, “regulation” and “normalization”, borrowed by Bukharin from A. Bogdanov. The contents of concepts are exposed for the first time in the historical and economic literature. Lenin’s tendentiousness towards Bogdanov’s terminology is considered. The philosophical, political and economic background of Lenin’s bias is traced. The distinguishing features of “Central Russian Marxism” led by Bogdanov are accented. The eclecticism of the concept of socialism by Lenin himself and the influence of impracticable Y. Larin’s schemes on “War Communism” are explicated. A. Bogdanov’s criticism of “War Communism” and Taylorism is systematized. It is shown how I. Stalin used Lenin’s biased remarks on N. Bukharin’s book to justify the economy of “destroying equilibrium”, including voluntary planning and a jump in disproportionate industrialization.

Key words: *debates on the historical framework of political economy, debates on industrialization, the 1st 5-year plan, the economy of “destroying the equilibrium”, slander Leninism, Central Russian Marxism, Bogdanov’s tectology as general organizational science, “War Communism”, Taylorism, “Right Bias” in the CPSU (b).*

JEL: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

REFERENCES

- Bazarov V.A. (2002). A.A. Bogdanov (Malinovsky) as a thinker // Bulletin of International A. Bogdanov Institute. No. 4 (12). Pp. 5–35. (in Russian).
- Bazarov V.A. (1928). Debate // On the five-year plan for the development of the national economy of the USSR. M.: Communist Academy. P. 73–83. (in Russian).
- Bazarov V.A. (1924). To the methodology of long-term planning. M.: Gosplan. (in Russian).
- Belykh A.A. (2007). History of Russian Economic and Mathematical Research: The First Hundred Years. Ed. 2nd, add. M.: LCI. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1908). Adventures of one philosophical school. SPb.: The “Knowledge” company. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1995a). Articles, reports, letters and memoirs // Unknown Bogdanov. Book 1. M.: IC “AIRO-XX”. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1918b). Bandage // New Life. Number 8, June 9th. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1925). Debate on the report // Bulletin of the Communist Academy. Vol.11. Pp. 301–307. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1904). Essays in social psychology. St. Petersburg: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1909). From the editors // Essays on the philosophy of collectivism. St. Petersburg: “Knowledge”. Pp. 3–6. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1924). Letter to the editors. On the main historicism of political economy // Bulletin of the Communist Academy. Vol. 9. (in Russian). Pp. 398–400
- Bogdanov A.A. (1919). On the trends of proletarian culture // Proletarian culture. No. 9/10. Pp. 46–52. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1918a). Problems of Socialism: Works of Different Years. M.: Politizdat (in Russian). (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1990). Problems of Socialism: Works of Different Years. M.: Politizdat (in Russian).
- Bogdanov A.A. (2019). Tectology: General Organizational Science. 6th ed. M.: LENAND. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1911). The cultural challenges of our time. M.: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (2005). The doctrine of reflexes and riddles of primitive thinking // Bulletin of International A. Bogdanov Institute. No. 2 (22). Pp. 5–42. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1910) The fall of the great fetishism. Faith and science. St. Petersburg: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1995b). The history of the “private financial group of the Social-Democrats Bolsheviks” // Unknown Bogdanov. Book 2. M.: IC “AIRO-XX”. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1927). The struggle for vitality. M.: Institute of blood transfusion. (in Russian).

- Bogdanov A., Stepanov I.* (1925). The course of political economy. Volume 1. 4th ed. M.-L. : Gosizdat (in Russian).
- Bogdanov A., Stepanov I.* (1924). The course of political economy. Volume 2. Vol. 4. The general theory of capitalism. Collective system. 3rd ed. M.-Pg. : Gosizdat (in Russian).
- Buldakov V., Kabanov V.* (1990). "War Communism": ideology and social development // Questions of history. No. 3. Pp. 40–58. (in Russian).
- Bukharin N.I.* (1925). Debate on the report // Bulletin of the Communist Academy. Vol.11. Pp. 292–297. (in Russian).
- Bukharin N.I.* (1989). In memory of A. Bogdanov // Bogdanov A.A. Tectology: universal organizational science. Book 2. M. : Economics. (in Russian). P. 345–347.
- Bukharin N.I.* (1928). Notes of an economist // Pravda. No. 228, September 30 (in Russian). Pp. 2–3
- Bukharin N.I.* (1959). Notes on Nevsky's article «Dialectical Materialism and the Philosophy of Dead Reaction» // XII Lenin collection. P. 384. M.: Gospolitizdat. (in Russian).
- Bukharin N.I.* (1918). Review on: Bogdanov A. Problems of socialism // Communist. MK RCP (b). No. 3. (in Russian). P. 19.
- Bukharin N.I.* (1920). The economy of transition. M. : Gosizdat. (in Russian).
- Cohen S.* (1986). Bukharin and the Bolshevik revolution. Michigan: Ardis Publishers, Ann Arbor. (in Russian).
- Drucker P.* (1999). Post-capitalist society // New post-industrial wave in the West. M: Progress. Pp. 67–100. (in Russian).
- Engels F.* (1961) Anti-Dühring // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 20. M.: Gospolitizdat. (in Russian).
- Erllich A.* (2010) Soviet industrialization debates. 1924–1928. M.: Delo. (in Russian).
- Figures of the revolutionary movement in Russia (1933). Volume 5. Social Democrats. Vol. 1. M.: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Detainees, (in Russian).
- Filiya M.* (1927). From old meetings // About Lenin. Collection of memories. M.: Gosizdat (in Russian).
- Gastev A.* (1959). Crane // Proletarian poets of the first years of the Soviet era. L.: Sov. pisatel'. Pp. 155–157. (in Russian).
- Gastev A.* (1919). On the trends of proletarian culture // Proletarian culture. 1919. No. 9/10. Pp. 35–45. (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2017). A. A. Bogdanov: from political economy to tectology // Questions of political economy. Number 1. Pp. 79–100. (in Russian).
- Gloveli G. D.* (2018). Non-god-building and non-vampirism: demythologization of A.A. Bogdanov's creative heritage // Polylog. T. 2. No 4 (6). (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2019). Central Russian Marxism and Systems Thinking: Organizational Science A.A. Bogdanova // Bogdanov A.A. Tectology: General Organizational Science. 6th ed. M.: LENAND. Pp. 6–82. (in Russian).
- Gordon L.A., Klopov E.V.* (1989). What was it? Reflections on the premises and results of what happened to us in the 30s and 40s. M. : Politizdat. (in Russian).
- Grigorov G.I.* (2018) Education at Moscow University. 1921 year. russian-history.blogspot.com/2018/02/1921.html. (in Russian).
- Kalinin F.I.* (1919). Proletarian culture and its critics // Proletarian culture. No. 9/10. (in Russian). Pp. 1–4.
- Kamenev L.* (1923). Between two revolutions: 2nd ed. M.: New Moscow. (in Russian).
- Kareev N.I.* (1904). Economic materialism // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Semi-Volume 79. St. Petersburg: Brockhaus and Efron. Pp. 264–268. (in Russian).
- Kropotkin P.A.* (1908). Fields, factories and workshops. – 3rd ed. M.: Posrednik. (in Russian).
- Lebedev-Polyansky P.I.* (1958). Meetings with Lenin // Novyi mir. No. 11. (in Russian). leninism.su/memory/4344-zhivoj-lenin.html?showall=&start=17.
- Lenin V.I.* (1929). Comments on the book of N. Bukharin "Economics of the transition period" // XI Lenin collection. M.: Gospolitizdat. Pp. 345–403. (in Russian).
- Lenin V.I.* (1985). Comments on the book of N. Bukharin "Economics of the transition period" // XL Lenin collection. M.: Politizdat. Pp. 383–431. (in Russian).
- Lenin V.I.* (1967–1975). Complete works. M.: Politizdat. (in Russian).
- Lieberman S.* (1945). Building Lenin's Russia. New York: New Democracy Books. www.pseudology.org/Lieberman/lbr-5.html (in Russian).
- Lowell P.* (1907). Is Mars populated? // Vestnik znaniya. No. 10–11. Pp. 134–137. (in Russian).
- Lunacharsky A.V.* (1967). Memories and impressions. M.: Sov. Russia. (in Russian).
- Marx K.* (1955). To the criticism of the Hegelian philosophy of law // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 1. M.: Gospolitizdat. (in Russian).
- Marx K., Engels F.* (1955) German Ideology // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 3. M.: Gospolitizdat. (in Russian).
- Menshevik process of 1931. (1999). Collection of documents. M. : ROSSPEN.
- Osinsky V.* (1989). Autobiography // Figures of the USSR and the revolutionary movement in Russia. M.: Kniga. Pp. 569–573. (in Russian).
- Osinsky N.* (1920). State regulation of agriculture. M.: Gosizdat. (in Russian).
- Petrov N.* (1924). With the "corrected" Marx against communism // Bolshevik. No. 5–6. Pp. 96–102. (in Russian).

- Preobrazhensky E.* (2006). Archival documents and materials: 1886–1920 / Comp. M.M. Gorinov. M.: Moscow Glavarchive, 2006.
- Proceedings of the first All-Russian initiative conference on the scientific organization of labor and production. Vol. I. M., 1921. (in Russian).
- S.D. (1918). Review on: Bogdanov A. Red Star. Bogdanov A. Engineer Manny // Proletarian Culture. Number 3 Pp. 31–32. (in Russian).
- Singh S. (1997). Fermat's Enigma: The Epic Quest to Solve the World's Greatest Mathematical Problem.
- Shirokorad L.D.* (1988). Methodological discussions // World History of Economic Thought. Vol. 4. M.: Mysl. (in Russian).
- Stalin I.* (1931). Questions of Leninism. 9th ed. M.: Giz. (in Russian).
- Stalin I.* (1995). Letter to Molotov on September 2, 1930 // Letters to I.V. Stalin V.M. Molotov. 1925–1936. M.: IC "Rossiya molodaya". (in Russian).
- Stalin I.* (1949). Collected Works. M.: Gospolitizdat. Vol. 12. (in Russian).
- Stankovskaya S.A.* In search of "Harmony" // Communist utopian experiment in the history of social thought and social movements. L.: LSU. Pp. 64–84. (in Russian).
- Stepanov I.* (1925). What is political economy? // Bulletin of the Communist Academy. Vol. 11. Pp. 257–292. (in Russian).
- Strumilin S.G.* (1928). Supplementary report. // On the five-year plan for the development of the national economy of the USSR. M.: Communist Academy. Pp. 26–39. (in Russian).
- Tucker R.* (1990). Stalin. The path to power. 1979–1929. M.: Progress. (in Russian).
- Turgenev I.S.* (1998). Fathers and Sons. M.: Drofa. (in Russian).
- Voitinsky V.* (1924). Years of victories and defeats. Vol. 2. Berlin: Grzhebin. (in Russian).
- Yasny N.* (2012). Soviet economists of the Twenties. Names to be remembered. M.: Delo. (in Russian).
- Yahot I.* (1982). The death of Bogdanov's tectology, the predecessor of cybernetics and system theory // USSR: internal contradictions. Vol. 3. N. Y.: Chalidze Publications, (in Russian). Pp. 227–273.
- VIII Congress of the RCP (B.) (1959). Protocols M.: Gospolitizdat, (in Russian).
- XVI Congress of the CPSU (b). (1930). Verbatim report. M.: Gospolitizdat. (in Russian).